

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

Научная статья
УДК 82-1/29:655 Бахтин
doi: 10.17223/23062061/35/7

«ДОРОГОЙ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ! Я НАЗНАЧЕН РЕДАКТОРОМ ВАШЕЙ КНИГИ...»: ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ «ПРОБЛЕМ ПОЭТИКИ ДОСТОЕВСКОГО»

Светлана Анатольевна Дубровская¹,
Елизавета Геннадьевна Маслова², Олег Ефимович Осовский³

¹ *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, s.dubrovskaya@bk.ru*

² *Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, maslova.eg@rea.ru*

³ *Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, Саранск, Россия, osovskiy_oleg@mail.ru*

Аннотация. Предыстория и издательская история «Проблем поэтики Достоевского» – важная часть научной биографии и рецепции личности и идей М.М. Бахтина. Появившаяся вторым изданием в 1963 году, монография обозначила новую веху в развитии отечественного литературоведения, соединив лучшие традиции науки о литературе предреволюционного времени и первого пореволюционного десятилетия и новые тенденции гуманитаристики послесталинской эпохи. Особое внимание уделяется деятельности С.Г. Бочарова как редактора книги, выявляется его вклад в работу над рукописью. Впервые вводятся в научный оборот новые архивные материалы.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, С.Г. Бочаров, «Проблемы поэтики Достоевского», рецепция идей, редакторская деятельность

Благодарности: исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда: проект № 23-28-00175 «Мыслитель в своем отечестве: история российской рецепции идей М.М. Бахтина на фоне мировых вызовов».

Для цитирования: Дубровская С.А., Маслова Е.Г., Осовский О.Е. «Дорогой Михаил Михайлович! Я назначен редактором Вашей книги...»: из истории издания «Проблем поэтики Достоевского» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 35. С. 110–128. doi: 10.17223/23062061/35/7

BOOK PUBLISHING

Original article

“DEAR MIKHAIL MIKHAILOVICH! I HAVE BEEN APPOINTED EDITOR OF YOUR BOOK...”: FROM THE HISTORY OF THE PUBLICATION OF *PROBLEMS OF DOSTOEVSKY'S POETICS*

Svetlana A. Dubrovskaya¹, Elizaveta G. Maslova², Oleg E. Osovsky³

¹ N.P. Ogarev National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation, s.dubrovskaya@bk.ru

² Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation, maslova.eg@rea.ru

³ M.E. Evseyev Mordovia State Pedagogical University,
Saransk, Russian Federation, osovskiy_oleg@mail.ru

Abstract. The background and publication history of *Problems of Dostoevsky's Poetics* is an important part of the scholarly biography and reception of Mikhail Bakhtin's personality and ideas. The second edition of this work, which appeared in 1963, marked a new milestone in the development of Russian literary studies, combining the best traditions of the literary scholarship of the pre-revolutionary period and the first post-revolutionary decade and the new trends of the post-Stalin era humanities. Refuting the myth that the 1929 book on Dostoevsky had been forgotten, the authors emphasize that by the mid-1950s and early 1960s it was well remembered by a large number of Soviet literary critics. Anatoly Lunacharsky's review in the anthology *F.M. Dostoevsky in Russian Criticism* (1956) only strengthened the authority and relevance of Bakhtin's old monograph, which was borne out by the extensive polemic with this work, in particular in Viktor Shklovsky's book *Pro et Contra* (1957) and in the collection *F.M. Dostoevsky's Oeuvre* (1959), whose authors strongly objected to Bakhtin's polyphonic novel theory. The article pays special attention to the activities of Sergey Bocharov as the editor of the book, revealing his contribution to the work on the manuscript. The article introduces a number of previously unknown archival documents, including fragments of correspondence between Bocharov and Bakhtin in 1962–1963. It also contains the memoirs of Bocharov and Vadim Kozhinov, studies by Nikolay Pankov, etc. The letters of Bakhtin and Bocharov represent a kind of a dialogue between the author and the editor, in which the proposed changes were discussed. Bocharov's editorial “intervention” was quite limited and as tactful as possible. None of the principles of the 1929 book was corrected. All of Bakhtin's additions, including the new fourth chapter, were approved. The alterations affected the philosophical terminology of the book (it became simpler and clearer to the modern reader), individual quotations from Dostoyevsky were expanded, and the structure

of paragraphs was partially changed. On this basis, it is concluded that Bocharov's efforts to revise the manuscript were in fact more significant than what he claimed to have done in his lifetime, and the words of gratitude expressed by Bakhtin to his editor in his letters receive further validation.

Keywords: Mikhail Bakhtin, Sergey Bocharov, *Problems of Dostoevsky's Poetics*, reception of ideas, editorial work

Acknowledgments: The study was prepared with financial support from the Russian Science Foundation: Project No. 23-28-00175 "A Thinker in His Homeland: the History of Russian Reception of M.M. Bakhtin's Ideas against the World Challenges".

For citation: Dubrovskaya, S.A., Maslova, E.G. & Osovsky, O.E. (2024) "Dear Mikhail Mikhailovich! I have been appointed editor of your book...": From the history of the publication of *Problems of Dostoevsky's Poetics. Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 35. pp. 110–128. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/35/7

За прошедшие 60 лет книга М.М. Бахтина о Ф.М. Достоевском оказалась в числе тех трудов, которые перевернули гуманитарное сознание второй половины XX столетия, – как писала искусствовед Т.И. Бачелис, устроила «великолепный сквозняк» в сознании целого поколения [1. С. 33].

Имя Бахтина буквально за нескольких лет встало в ряд с именами крупнейших западных мыслителей, радикально изменивших сознание эпохи – от К. Леви-Стросса, Р. Барта и Ю. Кристевой до Н. Хомски и Ж. Деррида. Не случайно уже в 1968 г. французский структуралист, литературовед и философ Р. Барт посчитал необходимым включить перевод статьи Бахтина о романе в специальный выпуск журнала «Langages», среди авторов которого были Ж. Женетт, Ц. Тодоров и Ю. Кристева. Характеризуя состав участников номера в предисловии, Р. Барт писал: «Представленные здесь исследования принадлежат по преимуществу одной национальной школе. К нам согласились присоединиться и несколько зарубежных авторов, не говоря уже о великих, тех, кто стоял у истоков – о Романе Якобсоне и Михаиле Бахтине, чье присутствие особенно ценно» [2. Р. 5].

Сегодня труды Бахтина воспринимаются как универсальная ценность на Западе и на Востоке, идеи и тексты русского мыслителя в равной степени привлекают ученых-гуманитариев Европы, Северной и Южной Америки, Индии, Китая, Японии, Австралии и Новой Зеландии (подробнее см.: [3–5]).

Со второй половины 1990-х гг. и до 2012 г. было осуществлено издание собрания сочинений мыслителя, ставшее, по единодушному мнению

специалистов-филологов и философов, одним из важнейших достижений российской гуманитаристики [6–7]. Продолжают переиздаваться для широкой аудитории наиболее известные труды М.М. Бахтина, включая «Проблемы поэтики Достоевского», что лишний раз свидетельствует о непреходящей актуальности этой книги, по праву вошедшей в золотой фонд российской филологии.

В этом контексте особую важность приобретает история издания бахтинской книги. Казалось бы, предыстория и детали этого сюжета отечественной гуманитарной науки, имена его участников – тех, кто всеми силами помогал автору из Саранска опубликовать свой труд, и тех, кто пытался этому противостоять – достаточно известны. Они представлены в документах авторского дела [8], в воспоминаниях В.В. Кожина [9], комментариях С.Г. Бочарова [10. Т. 6. С. 467–505]. Отдельные подробности начального этапа с опорой на архивные материалы были восстановлены Н.А. Паньковым [11. С. 510–555]. Однако немаловажная часть этой истории, как свидетельствуют архивные документы, до сих пор остается неизвестной не только широкому кругу читателей книги, но и большей части исследователей.

Именно об этих неизвестных страницах пойдет речь в данной статье.

Прежде всего отметим, что переиздание книги Бахтина о Достоевском не могло бы состояться вне ряда обстоятельств, важнейшими из которых стали письмо В.В. Кожина к М.М. Бахтину, написанное им от лица группы молодых московских литературоведов 12 ноября 1960 г. и последовавший в июне 1961 г. приезд в Саранск В.В. Кожина, С.Г. Бочарова и Г.Д. Гачева. С этого момента рядом с мыслителем формируется новый «круг Бахтина», участники которого с молодой энергией и огромным энтузиазмом принялись за дело возвращения его трудов отечественному читателю. Не будет преувеличением сказать, что именно усилиями Кожина, Бочарова и значительного количества «мобилизованных» ими деятелей советской науки и культуры увидели свет не только второе издание книги о Достоевском (1963) и монография о Рабле (1965), но и появившиеся уже после смерти автора «Вопросы литературы и эстетики» (1975) и «Эстетика словесного творчества» (1979).

Выход «Проблем поэтики Достоевского» открыл новый этап в жизни и научной биографии М.М. Бахтина. Ученый, в течение нескольких десятилетий волею обстоятельств работавший «в стол», получил возможность вернуться в большую науку, опубликовать многое из написанного им в предшествующие десятилетия и даже наметить новые масштабные планы. Как указывал Бочаров, «накануне выхода «Проблем» Поэтики»

Д<остоевского>» М<ихаил> М<ихайлович> Б<ахтин> был малоизвестным автором полузабытой книги. С выходом «П<роблем> П<оэтики> Д<остоевского>» началась (когда автору было под 70 лет) его мировая слава» [10. Т. 6. С. 468].

В целом разделяя пафос процитированного высказывания выдающегося российского литературоведа, одного из идеологов и самых активных участников издания бахтинского собрания сочинений, позволим себе уточнить присутствующую в нем формулировку «малоизвестный автор». Последнее, похоже, представляет собой результат биографической инерции формировавшегося в течение нескольких десятилетий мифа о забытом Бахтине, прозябавшем в саранском захолустье.

Дело не только в том, что, приехав в Саранск осенью 1945 г., Бахтин в течение 15 лет возглавлял кафедру литературы Мордовского пединститута (с 1957 г. – университета), но и в том, что его книга о Достоевском была памятна многим участникам литературной и культурной жизни страны конца 1920-х и 1950-х гг., о чем, в частности, свидетельствует не раз цитировавшееся письмо Н.Я. Берковского (цит. по: [10. Т. 2. С. 514]). К тому же даже беглый анализ достоевсковедческих работ второй половины 1950-х гг. позволяет утверждать, что имя Бахтина присутствует среди имен ведущих исследователей. Впрочем, заметим, что появляется оно даже раньше – в академической «Истории русской литературы»: в главе о Достоевском Г.М. Фридлендер довольно активно спорит с концепцией полифонического романа Бахтина, отдавая при этом должное книге и ее автору [12. С. 104].

Позволим себе предположить, что решающую роль в окончательном возвращении «Проблем творчества Достоевского» в советское литературоведение сыграла антология «Ф.М. Достоевский в русской критике» (1956), составленная А.А. Белкиным [13]. Включив в книгу весь набор «правильных текстов» русской критики XIX–XX вв. – от В.Г. Белинского до Н.К. Михайловского, марксистскую оценку творчества великого писателя Белкин представил работами А.М. Горького и А.В. Луначарского. Однако публикация статьи-рецензии последнего о «Проблемах творчества Достоевского» фактически поставила в этот ряд и Бахтина. Это, в свою очередь, делало бахтинскую книгу не только идеологически приемлемой, но и актуальной. Так, один из старейших отечественных достоевсковедов Л.П. Гроссман в сборнике «Творчество Ф.М. Достоевского» (1959), размышляя о том, как теория музыки помогла «исследователям Достоевского разобраться в сложной структуре его эпоса», и отсылая читателя прежде всего к Вяч.И. Иванову, в примечании уточнял: «На эту же

тему написана книга М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (Л., 1929), в которой исследователь признает основным явлением стиля романиста многоголосность, а его самого – основателем полифонического романа <...> По поводу этой книги см. статью А.В. Луначарского [14. С. 341].

Сам составитель антологии А.А. Белкин в 1962 г. в отзыве о «Проблемах творчества Достоевского» для издательства «Советский писатель» отмечал: «Книга же М.М. Бахтина и по сей час представляет большой научный интерес – правильностью постановки важных для понимания Достоевского вопросов, глубиной разработки их, тонкостью и точностью стилистического анализа <...> Однако в современный научный обиход, особенно для молодых литературоведов, вошла лишь статья А.В. Луначарского, написанная по поводу книги Бахтина («О «многоголосности» Достоевского»). В сознании многих остались лишь возражения Луначарского тогда ещё молодому М.М. Бахтину. Но ведь Луначарский, не соглашаясь с некоторыми положениями автора книги, очень высоко ценил труд в целом, постановку вопроса, эрудицию, характер анализа. Должен признаться, что, включив статью Луначарского в составленный мною сборник критических статей о Достоевском, и я во вступительной статье больше внимания уделил рецензии Луначарского, чем книге Бахтина» [15. Л. 3–4].

Позитивная оценка Луначарского будет присутствовать как самый весомый аргумент во всех спорах и дискуссиях, в ответах тем, кто обвинял Бахтина в «идеологической слепоте», «немарксистском подходе» (см., например: [16]).

Еще одна заметная страница в процессе постепенного возвращения Бахтина к отечественному читателю – спор с «давней интересной книгой Бахтина» в «За и против. Заметки о Достоевском» В.Б. Шкловского. В последней главе, название которой совпадает с заголовком всей книги, Шкловский настойчиво пытается опровергнуть идею полифонического романа в бахтинской ее интерпретации, хотя сам факт многоголосия у Достоевского им не просто не отрицается, а принимается как данность. Не случайно упоминание полифоничности Достоевского возникает в его книге задолго до того, как в ней появляется имя Бахтина (подробнее см.: [17. С. 140, 221–223]).

Не менее показательны и то, что отсылки к книге Бахтина и полемика с ней присутствуют на страницах уже упоминавшегося сборника «Творчество Ф.М. Достоевского». Среди его участников, наряду с Л.П. Гроссманом, оказались ведущие советские специалисты по Достоевскому – от Ф.И. Евнина, В.В. Ермилова и В.Я. Кирпотина до У.А. Гуральника и

Г.М. Фридендера. При этом авторы статей не просто упоминали книгу Бахтина тридцатилетней давности, но и вели с ней решительную полемику. Так, Г.Л. Абрамович писал: «...нельзя согласиться с тем, что каждый герой произведений Достоевского живет якобы только своей самостоятельной жизнью, как это утверждал, развивая концепцию полифоничности романов великого писателя, М. Бахтин» [14. С. 60]. Более категоричен был А.В. Чичерин, который не принял не только бахтинскую концепцию полифонического романа, но и ее интерпретацию А.В. Луначарским (см.: [14. С. 444]).

Еще одно свидетельство того, что имя Бахтина активно циркулирует в достоевковедческом пространстве, – сохранившиеся в архиве ученого приглашения, которые ему с 1959 г. присылал из Москвы Музей Ф.М. Достоевского. Так, в апреле 1963 г. директор музея Г. Коган писала: «Многоуважаемый Михаил Михайлович, Музей Достоевского и научная общественность Москвы выражает надежду видеть Вас в нашем музее в дни Вашего пребывания в Москве.

Вы оказали бы большую честь нашему музею, если бы согласились выступить с докладом о Достоевском на одном из наших научных заседаний. Состав аудитории зависит от Ваших пожеланий» [18. Л. 3].

Таким образом, можно предположить, что в прозвучавшей в известном письме В.В. Кожина фразе – «О Вашей книге о Достоевском только на днях я слышал поистине восторженные отзывы от В.Б. Шкловского, Л.П. Гроссмана, и даже... М.Б. Храпченко, В.В. Ермилова, В.Я. Кирпотина и др.» [11. С. 509] – не было особого преувеличения. Равно как и в строчках давнего знакомого Бахтина, известного теоретика литературы и стиховеда Л.И. Тимофеева, написанных, правда, уже после выхода второго издания книги: «Вы и без меня знаете, что наши молодые филологи воспринимают Ваши работы с огромным интересом» [19. Л. 13].

В этом контексте особый интерес представляет издательская биография «Проблем поэтики Достоевского».

«Официальная» история прохождения рукописи в издательстве заняла не слишком много времени – с момента заключения договора с автором 18 июня 1962 г. до принятия к печати 18 июля 1963 г. Впрочем, реальный сюжет переиздания «Проблем творчества Достоевского» начинается несколько раньше – с идеи опубликовать итальянский перевод книги 1929 г. с внесенными в нее изменениями и дополнениями в издательстве Эйнауди в Турине. Подробности этой истории, восходящей к февралю 1961 г., хорошо известны по воспоминаниям ее непосредственных участников В.В. Кожина [9, 20] и В. Страда [21. С. 373–379]. Это позволяет оставить ее за пределами нашей статьи, тем более что задуманное так и

не было реализовано. Нельзя, однако, считать, что «итальянский проект» закончился ничем. Прделанная работа сыграла свою роль при подготовке новой редакции книги для «Советского писателя». 27 марта 1962 г. Бахтин писал Кожинову: «Получил официальное предложение от редакции «Советский писатель» о переиздании моего Достоевского и уже ответил на него согласием. Сегодня получил рецензии и редакционное заключение <...> Сейчас я приступаю к новому пересмотру всей книги. Рукопись я хочу сдать издательству непременно до лета» [11. С. 535]. И уже 15 мая 1962 г. Бахтин отправляет рукопись в издательство [11. С. 538]. С этого момента начинается собственно редакционная работа, в которой обычная издательская рутинa сопровождается самыми неожиданными коллизиями, превращающими этот процесс из реального события в «высокую драму» (Н.А. Паньков).

У переиздания книги Бахтина немало не только авторитетных сторонников, но и активных противников. В числе последних, судя по воспоминаниям Кожинова, и директор издательства «Советский писатель» Н.В. Лесючевский, и заведующий редакцией литературоведения и критики Е.Н. Конохова, и весьма влиятельная в литературно-издательских кругах Е.Ф. Книпович. В результате внутрииздательских «разборок» от работы над книгой был отстранен ее первый редактор и большой почитатель Бахтина Л.А. Шубин. Впрочем, активная поддержка книги со стороны В.В. Ермилова, А.А. Белкина, К.А. Федина оказалась, к счастью, более весома. И книга была включена в издательский план на 1963 г.

В ходе работы над рукописью обозначилось несколько проблем, одна из которых заключалась в назначении нового редактора. В какой-то момент активно обсуждалась идея приглашения в качестве ее научного редактора кого-то из известных специалистов по творчеству Достоевского. Так, очевидно, продолжая уже начатый разговор, Кожинов писал Бахтину 12 июля 1962 г.: «И как насчет редактора? Им мог бы быть, по-моему, Л.П. Гроссман, или Ю.Г. Оксман, или Долинин (только не Кирпотин)» [11. С. 552]. В конечном итоге от идеи назначения научного редактора редакция отказалась, однако сохранялась проблема с выбором издательского редактора. В декабре 1962 г. Кожинов сетовал: «С «Достоевским» все никак не могут решить вопрос о редакторе – то хотят обойтись без оного, то начинают лихорадочно искать среди всяческих кандидатур. Именно этим объясняется, что издание книги отнесли на IV квартал – а вдруг, мол, редактор задержит» [11. С. 562].

В начале следующего года вопрос о редакторе, наконец, решился – им стал С.Г. Бочаров. Уже после выхода книги Кожинов прокомментировал

этот крайне благоприятный для судьбы книги поворот, раскрыв некоторые детали издательской кухни: «Л.А. Шубин много <...> сделал для “проталкивания” книги. Он так воевал, что, в конце концов, его отставили от ее редактирования и решили взять редактора со стороны (тут уж удалось “подсунуть” С<ергея> Г<еоргиевича>, ибо в издательстве не знали, кто он, собственно, такой – знали, что кандидат наук и работает с Эльсбергом)» [11. С. 581].

Следует подчеркнуть, что детали работы вновь назначенного редактора над бахтинской рукописью до недавнего времени оставались почти неизвестны. Сам Бочаров в уже упоминавшемся комментарии в собрании сочинений практически обошел этот вопрос молчанием, ограничившись несколькими строками: «Наилучшим редактором был бы Л.А. Шубин – но, вероятно, в стремлении подстраховаться издательство приглашает редактора со стороны и, по совету Шубина, предлагает эту роль составителю настоящего комментария. Договор на редактирование с С.Г. Бочаровым оформлен 06.02.1963. Редактору приходится сообщить автору о последнем и единственном категорическом условии издательства – терминологическом упрощении текста книги. К моменту встречи редактора с автором в Саранске 8–9 февраля 1963 все терминологические замены у М<ихаила> М<ихайловича> Б<ахтина> (главным образом замена терминов «интенция» и «интенциональный») – уже готовы» [10. Т. 6. С. 483].

При чтении этого лаконичного фрагмента может сложиться впечатление, что редакторство Бочарова оказалось сугубо формальным и никакой работы над текстом книги он не проводил. В действительности это не так, хотя по немногочисленным свидетельствам современников можно сделать вывод, что один из многолетних собеседников Бахтина и его душеприказчик практически не касался этого сюжета своей жизни¹.

Ряд материалов из личного архива Бахтина, прежде всего его переписка с Бочаровым, позволяет сделать некоторые выводы о реальном вкладе последнего и дополнить историю издания книги новыми деталями. Очевидно, что среди тех задач, которые предстояло решать Бочарову-редактору, было не только взаимодействие с издательством и создание максимально комфортных условий для автора книги, но и внимательная работа с рукописью. При этом, понимая весь масштаб личности и идей Бахтина, Бочаров подчеркнуто уважительно относился к

¹ Так, близко знавший Бочарова и вместе с ним посещавший М.М. Бахтина воронежский литературовед В.А. Свительский [22] в разговоре с О.Е. Осовским в середине 1990-х гг. категорически отказывался допустить саму мысль о том, что Бочаров мог исправить хотя бы строчку у Бахтина.

тексту, изначально декларируя принцип максимального ограничения редакторского вмешательства. «Конечно, моя роль редактора здесь – почти целиком формальная, но перед издательством какую-то деятельность придется “обозначить” (т.е. сделать вид), – писал он Бахтину в январе 1963 г. – Претензия издательства (единственная) – некоторые термины, и в первую очередь “интенция” и “интенциональность”. Издательство просит найти другие, более доступные термины, выражающие то же значение. Если это невозможно, то, может быть, подумать над тем, чтобы где-либо в одном месте эти термины разъяснить? Некоторые термины, не очень принятые теперь – вот тот главный вопрос, который следовало бы обсудить» [23. Л. 9].

Детали диалога автора и его редактора восстанавливаются по сохранившейся в личном архиве Бахтина части переписки – оригиналам писем Бочарова и черновым вариантам ответов Бахтина. Бочаров во всех подробностях сообщает о мельчайших изменениях, внесенных в текст. При этом им избирается максимально щадящая автора стратегия. Так, в письме от 23 марта 1963 г. речь идет о благополучном завершении предварительного этапа издательской истории, и только потом «о мелких неприятностях», ему сопутствующих: «Сегодня я окончательно сдал Вашу книгу (уже после замечаний корректоров), и на днях (верно, в понедельник) она уходит в типографию. Все идет вполне благополучно и, я думаю, что и дальше будет так же – хотя времена настали крутые. В редакции изменили одну фразу: в последнем абзаце 1-й главы после “порабощает идеология” прибавили – “героев Достоевского”» [23. Л. 12].

По этому же письму мы можем судить о характере работы с текстом самого Бочарова, перечисляющего сделанные им поправки: «Кроме того, на 77 стр. я изменил “формальное значение” на “формообразующее” и вместо “художественно-формальная структура” – просто “художественная структура” <...>

Я проверил текст “Петербургских сновидений” и немного добавил. Цитаты, которые Вы приводите, теперь расширены и начаты несколько раньше <...> Кроме того, Достоевский прямо называет видением свое ощущение Петербурга, и это введено тоже.

Некоторые длинные абзацы в редакции разбили; когда это нарушало непрерывность мысли, я восстановил по-старому, в других случаях (их немного) принял.

<...> Таковы все изменения в Вашем тексте. Если Вы с чем-либо не согласны, это будет, конечно, исправлено. Только б дальше все так же гладко пошло» [23. Л. 12–13].

Нетрудно заметить, что правка Бочарова-редактора решает несколько задач: с одной стороны, это, казалось бы, сугубо технические уточнения (замена «формального» на «формообразующее» и «художественно-формального» на «художественное»), имеющие, однако, вполне очевидный идеологический смысл – «исправление» терминов, дающих основание обвинить автора в формализме. С другой стороны, усиление «иллюстративных» возможностей для прояснения той или иной мысли Бахтина, расширение цитатного ряда из Достоевского, о котором пишет автор письма.

Пожалуй, единственный известный случай редакторского «своеволия» – появление в тексте фамилии литературоведа Я.С. Билинкиса, изначально Бахтиным не планировавшееся. Как можно предположить, последнее стало результатом реакции редактора на высказанное издательским начальством замечание об отсутствии в обзоре литературы по Достоевскому достаточного числа новых работ. 14 июня 1963 г. Бочаров пишет: «Вы мне простите, что я своевольно вставил в том месте в 1-й главе, где названы имена последнего 10-летия – Ермилов, Фридендер, Евнин и др. – я в эту компанию впустил еще одного – Я. Билинкиса. Книжки его (1960 г., кажется), правда, совсем небольшие – общий очерк о Достоевском, но вот почему я решился назвать его: он в этом очерке цитирует Вас с пониманием, принимая безоговорочно основные Ваши идеи (причем не только в этой книжке, но и в одной статье в журнале «Театр») – и мне показалось, что этим он заслужил, чтобы в общем ряду был упомянут и он» [23. Л. 21 об. – 22].

О тщательности редакторской работы с текстом свидетельствует и то внимание, с которым он восстанавливает уже проведенную техническую правку, не соглашаясь с разбивкой отдельных абзацев. Можно предположить, что характер общения автора и редактора по поводу предлагаемых изменений текста был примерно таким же, как в эпизоде, описанном Бочаровым в его известном мемуаре: «Как-то раз я пришел к нему расстроенный необходимостью передать от “Вопросов литературы”, где шла глава его “Хронотопа”, просьбу сделать какую-то дежурную оговорку, совсем незначительную, но миссия угнетала меня, и я раздраженно сетовал на вечную нашу советскую нужду в оговорках. “Да, но мысль категорическая, не допускающая оговорки, пожалуй, еще хуже”, – возразил он и легко согласился на требуемое редакцией (31.1.1974)» [24. С. 81].

В пользу этого предположения свидетельствует и черновик ответа Бахтина: «Благодарю Вас за Ваше письмо и за все, что Вы сделали для моей книги. Я, конечно, совершенно со всем согласен...» [25. Л. 1].

Ощущение приближения «крутых времен» присутствует не только у редактора, но и у автора. Не случайно у Бахтина возникает желание «подстраховаться», обеспечив необходимую защиту наиболее идеологически уязвимым моментам книги. Он пишет об этом в цитирувавшемся выше письме Бочарову и просит совета. Перед нами разворачивается протяженный эпистолярный диалог, где каждая реплика произносится в расчете на понимающий ответ собеседника: «...у меня пришла мысль внести в книгу несколько коротеньких вставок в разные места книги в общей сложности не более одной-двух машинописных страниц (каждая вставка по несколько строк). В этих вставках я предлагаю: 1) подчеркнуть реализм Достоевского, 2) резче оттенить народность карнавального мироощущения (в противоположность официальному мировоззрению господствующих классов, 3) указать на искажающее использование карнавальных форм модернизме. Эти вставки не нарушат общего стиля книги, но, как мне кажется, будут <нрзб.> полезны.

Я думаю, что эти вставки следует внести не сейчас – <нрзб.> пусть книга идет в набор; и в гранки (насколько мне известно, пока процесс длится – изменения разрешат).

Как Вы отнесетесь к этой идее? Если Вы считаете это возможным и целесообразным, то я пришлю Вам эти вставки с точным указанием их места в тексте (я сделаю это очень быстро)» [25. Л. 1–2].

О том же, но гораздо более лаконично, без «лишних» подробностей Бахтин напишет и Кожинovu [11. С. 570]. Интересная деталь – черновик письма Кожинovu пишется на обороте черновика письма, адресованного Бочарову [25. Л. 2 об. 3].

Бочаров-редактор с готовностью принимает идею Бахтина о возможных вставках. Впрочем, «культура оговорок», по наблюдению Бочарова, характерная для Бахтина [24], оказывается в не меньшей степени свойственна и будущему мемуаристу. Соглашаясь с автором, Бочаров-редактор надеется, что можно будет обойтись без новых дополнений в тексте: «Я думаю, что предлагаемые Вами вставки будет полезно иметь на случай, если они понадобятся. Поэтому, мне кажется, что будет хорошо, если Вы их пришлете. Если же, как я надеюсь, и в верстке все будет идти так же благополучно, как до сих пор, то, может быть, надобность использовать эти вставки и не возникнет?

Впрочем, если Вы считаете, что эти вставки в любом случае лучше будет внести, то, конечно, так и надо будет поступить» [23. Л. 15–15 об.].

На этом история со вставками не заканчивается, и Бочаров возвращается к ней на этапе чтения верстки книги. Обращает на себя внимание

максимальная корректность используемых автором письма формулировок – он не отговаривает Бахтина впрямую, заранее соглашаясь с решением, которое тем будет принято: «Сейчас я приступаю – с новым удовольствием и волнением (от осознания, что это уже корректура, уже книга, а не только рукопись) – читать Вашу книгу, и тем временем буду ожидать экземпляра с Вашими поправками.

Как Вы думаете поступить с предполагаемыми Вами вставками? Сейчас в них пока необходимости нет, все идет хорошо, и если для Вас эти вставки – только вынужденные добавления, то может быть, от них воздержаться? Но лучше, если Вы мне их пришлете на случай, если необходимость в них возникнет» [23. Л. 17].

В свою очередь, Бахтин полностью доверяет мнению Бочарова и фактически отказывается от своего замысла: «Сегодня отправляю в редакцию проверенную и выправленную верстку «Достоевского». От тех дополнений, о которых я Вам писал, я решил отказаться. Посмотрим, как дела пойдут дальше» [25. Л. 3 об.].

Интуиция не подвела Бочарова – эти дополнения не понадобились. По-видимому, «вставки» в каком-то виде сохранились в рабочих набросках и отозвались в ответах Бахтина на вопросы Подгужеца в известном интервью 1971 г. [10. Т. 6. С. 458–465].

На всех этапах движения рукописи Бочаров не упускает из вида даже мельчайших деталей, сообщая о них Бахтину. Но при этом главное для него – качество редактируемого текста. И здесь он не чурается никакой работы, вплоть до совмещения редакторских функций с корректорскими: «Особая моя к Вас просьба – проверить написание слов по-гречески на стр. 142 и 147 – здесь, вероятно, много ошибок.

Как Вам кажется аннотация, составленная в издательстве (она напечатана на обороте титула)? Если она не нравится Вам – напишите надо будет тогда изменить.

Жду от Вас экземпляр с поправками. Дорогой Михаил Михайлович, Вы уже видите книгу?»

К этому же вопросу Бочаров возвращается два месяца спустя фактически на финальном этапе прохождения книги (14 июля). Счастливый финал все ближе, поэтому он может позволить себе рассказать и о почти анекдотических казусах: «В сводке все-таки были ошибки, некоторые забавные: корректоры, например, упорно настаивали (дважды, в каждой из корректур) на “житейном” вместо “житийного”. Наибольшее опасение мне вызывают слова по-гречески, которые были снова набраны плохо. А при переборе боюсь, что наделают новых ошибок» [23. Л. 21 об.].

Особо следует подчеркнуть, что Бочаров-редактор не во всем совпадает с Бочаровым-читателем и исследователем. Он, конечно же, принимает книгу Бахтина и понимает всю грандиозность замысла и масштаб его реализации, однако принимает далеко не безоговорочно. В новой редакции книги были моменты, его смущавшие, о чем он и сообщал автору. Еще в июле 1962 г. он писал: «Меня, пожалуй, смущает только, когда Вы “Бобок” и “Сон смешного человека” или сцену Ивана с Алешей в трактуре определяете прямо как мениппову сатиру, – пусть как вершину развития этого жанра (как Вы оговариваете), – но все-таки именно этого жанра. Вы показали, что мениппея стоит у истока диалогической линии, которая привела к Достоевскому и в нем, наконец, разрешилась полифонией, которой не было до него. Но ведь полифония – это главное новое качество; поэтому если “Бобок” мениппова сатира, то также что-то еще, что, может быть, важнее всего. Можно ли жанр этой вещи, исходя из Вашей же мысли, определить как мениппею? Жанровая традиция – да, но жанр?»

На стр. 183 вы уточняете, что речь не о жанровом каноне, как в античности, а о жанровой сущности. Однако тут же (с. 184), Вы говорите, что “Бобок” и “Сон смешного человека” – мениппея почти в античном смысле, настолько полно здесь присутствуют классические особенности этого жанра.

И еще одно замечание: на стр. 208 и дальше вы говорите, что Достоевский воспринял не карнавал непосредственно, но в литературной традиции, внелитературный источник которой, может быть, и не осознавался отчетливо. Вы называете литературные источники, известные Достоевскому и повлиявшие на него.

Но если допустить фантастическое предположение, что Достоевскому вся эта литература была незнакома? Из одних литературных источников могло ли родиться творчество так глубоко карнавализованное, как это показали впервые Вы?

Может быть, стихия карнавала, перестав быть обрядом, не ушла все же из жизни, но осталась в каких-то иных, запятанных формах – как вечное неумирающее начало человеческой жизни? И Достоевский высвободил это карнавальное мироощущение? Может быть, так же как он сумел прослушать везде диалог, он сумел открыть карнавал?» [23. Л. 3 об.-4].

То, что Бочаров определяет как «сомнения», скорее, следует назвать вопросами, требующими прояснения и уточнения того глобального замысла, который реализуется в новой четвертой главе книги.

Еще более примечательно признаваемое Бочаровым несходство с Бахтиным в отношении к Толстому. Это тем более важно, что, уже будучи

редактором, он не станет спорить с имеющейся в книге интерпретацией толстовского монологизма. Эта разница отношений будет тактично сформулирована в следующих строках: «...в реализме есть какие-то степени в смысле отношения к материалу, его претворения. Реалист “в низшей степени” слишком эксплуатирует материал, слишком на него опирается (таков для меня во многом Тургенев, открывавший и выпускавший в свет “новые типы” – Рудина или Базарова), Достоевский и Толстой (по-иному, но, мне кажется, тоже, – хотя, по-видимому, Толстой Вам не близок) дают высокую степень преобразования материала, они – реалисты в высшем смысле, “идеальные романисты”, как говорил один из них о другом» [23. Л. 3–3 об.].

В заключение остается добавить, что с выходом «Проблем поэтики Достоевского» в сентябре 1963 г. редакторская работа Бочарова над книгой не прекратилась: в 1972 г. в издательстве «Художественная литература» выходит третье издание, формально считающееся воспроизведением второго [26]. Однако Бочаров воспользовался этой возможностью, для того чтобы вернуть в текст фразу, которая в результате технического сбоя исчезла в 1963 г. – «Авантюрный сюжет в этом смысле глубоко человечен» [10. Т. 6. С. 467–468]. Кроме того, по его собственному признанию, он «потихоньку» восстановил в двух местах книги термин «интенция», чтобы «обозначить его присутствие в философском языке автора» [10. Т. 6. С. 492].

В 1979 г. в издательстве «Советская Россия» книга о Достоевском выходит вновь, теперь уже с исправлением многочисленных опечаток третьего издания. Финалом редакторской работы Бочарова становится появление «Проблем поэтики Достоевского» в соответствующем томе собрания сочинений. Перед читателем предстает первое научно прокомментированное издание этой книги, с частично реконструированной творческой историей.

Предыстория и издательская история книги о Достоевском – часть только складывающегося в отечественной гуманитаристике большого нарратива о бахтинских книгах. И если монографии о Рабле в этом смысле повезло [11, 27], то «Вопросы литературы и эстетики» и «Эстетика словесного творчества» еще ждут своего исследователя. Нет сомнений, что в свое время все они станут главами научной биографии М.М. Бахтина, в которой жизнь мыслителя и его трудов будут представлены в полном объеме.

Список источников

1. Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина / авт.-сост.: И.В. Ключева, Н.Н. Земкова ; науч. ред. Н.И. Воронина. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.

2. *Langages*. 3e année. 1968. № 12.
3. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // *Научный диалог*. 2021. № 7. С. 227–265.
4. Тульчинский Г. Новые уроки рецепции философского наследия М.М. Бахтина (обзор XVII Международной Бахтинской конференции) // *Вопросы философии*. 2022. № 3. С. 216–222.
5. Osovsky O., Kirzhaeva V., Dubrovskaya S., Chernetsova E. From Dialogic Imagination to Polyphonic Thinking: Bakhtin in Saransk 2021 // *Enthymema*. 2022. Vol. 31. P. 338–352. URL: <https://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/view/19793/17661> (дата обращения: 21.06.2023).
6. Фуксон Л. Время диалога // *Новый мир*. 2012. № 8. С. 175–181.
7. Hirschkop K. *The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. XVI, 250 p.
8. РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Ед. хр. 3325. 51 л. Бахтин М.М. «Проблемы поэтики Достоевского». Издание второе, переработанное и дополненное. Рецензенты: Ермилов В.В., Белкин А.А., Книпович Е.Ф., 1961–1963.
9. Кожин В.В. «Так это было...» // *Дон*. 1988. № 10. С. 156–159.
10. Бахтин М.М. Собрание сочинений : [в 6 (7) т.]. Т. 1–6. М. : Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012.
11. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М. : Изд-во МГУ, 2009. 720 с.
12. Фридендер Г.М. Достоевский // *История русской литературы : в 10 т. Т. IX: Литература 70–80-х годов*. Ч. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 7–118.
13. Ф.М. Достоевский в русской критике : сб. ст. / вступ. ст. и примеч. А.А. Белкина. М. : Гослитиздат, 1956. XXXVI, 471 с.
14. Творчество Ф.М. Достоевского: сб. ст. / отв. ред. Н.Л. Степанов М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 546 с.
15. ОР РГБ. Ф. 913. Оп. 45. Ед. хр. 25. 13 л. Белкин А. О книге М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» – рецензия [1962].
16. Василевская И., Мясников А. Разберемся по существу // *Литературная газета*. 1964. 8 августа.
17. Шкловский В.Б. За и против: Заметки о Достоевском. М. : Сов. писатель, 1957. 259 с.
18. ОР РГБ. Ф. 913. Оп. 11. Ед. хр. 41. 8 л. Государственный литературный музей. Музей-квартира Ф.М. Достоевского. Письмо и приглашения к Бахтину М.М. 1959, 1963, 1971.
19. ОР РГБ. Ф. 913. Оп. 13. Ед. хр. 41. 14 л. Тимофеев Л.И. Письма к Бахтину М.М. 1943, 1946, 1954–1955, 1964.
20. «Я просто благодарю свою судьбу...» (Вадим Кожин вспоминает о том, как удалось переиздать «Проблемы творчества Достоевского») // *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 1994. № 1. С. 104–110.
21. Бахтинский сборник / отв. ред. В.Л. Махлин. М. : Лабиринт, 1997. Вып. 3. 400 с.
22. Бочаров С.Г. Памяти Славы Свительского // В поисках мудрости и добра. Памяти В.А. Свительского / сост. Н.М. Митракова. Воронеж : Кварта, 2020. С. 17–19.
23. ОР РГБ. Ф. 913. Оп. 6. Ед. хр. 38. 35 л. Бочаров С.Г. Письма и телеграммы к Бахтину М.М. 1962 июля 20–1963 ноября 17.

24. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.

25. ОР РГБ. Ф. 913. Оп. 5. Ед. хр. 8. 4 л. Бахтин М.М. Письма к Бочарову С.Г. [1963].

26. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 6005. 43 л. Авторское дело Бахтина М.М. «Проблемы поэтики Достоевского». Исследование. 10 июня 1971 г. – 6 сентября 1972 г.

27. Попова И.Л. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М. : Ин-т мировой литературы РАН, 2009. 464 с.

References

1. Klyueva, I.V. & Zemkova, N.N. (2020) *Sobranie inskriptov na izdaniyakh iz lichnoy biblioteki M.M. Bakhtina* [The collection of inscriptions on publications from M.M. Bakhtin's personal library]. Saransk: Mordovia State University.

2. *Langages*. (1968) 3e année. No. 12.

3. Osovskiy, O.E. & Dubrovskaya, S.A. (2021) Bakhtin, Rossiya i mir: retseptsiya idey i trudov uchenogo v issledovaniyakh 1996–2020 godov [Bakhtin, Russia and the World: Reception of the Scientist's Ideas and Works in Research of 1996–2020]. *Nauchnyy dialog*. 7. pp. 227–265.

4. Tulchinskiy, G. (2022) Novye uroki retseptsii filosofskogo naslediya M.M. Bakhtina (Obzor XVII Mezhdunarodnoy Bakhtinskoy konferentsii) [New lessons of Mikhail Bakhtin's philosophical heritage reception (Review of the 17th International Bakhtin Conference)]. *Voprosy filosofii*. 10(3). pp. 216–222.

5. Osovsky, O., Kirzhaeva, V., Dubrovskaya, S. & Chernetsova, E. (2022) From Dialogic Imagination to Polyphonic Thinking: Bakhtin in Saransk 2021. *Enthymema*. 31. pp. 338–352 [Online] Available from: <https://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/view/19793/17661> (Accessed: 21st June 2023).

6. Fukson, L.Yu. (2012) Vremya dialoga [The time of dialogue]. *Novyy mir*. 8. pp. 175–181.

7. Hirschkop, K. (2021) *The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin*. Cambridge: Cambridge University Press.

8. Bakhtin, M.M. (1961–1963) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 2nd ed. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1234. List 19. Files 3325.

9. Kozhinov, V.V. (1988) “Tak eto bylo...” [“So it was...”]. *Don*. 10. pp. 156–159.

10. Bakhtin, M.M. (1996–2012) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur.

11. Pankov, N.A. (2009) *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M. M. Bakhtina* [Questions of Mikhail Bakhtin's biography and research]. Moscow: MSU.

12. Fridlender, G.M. (1956) Dostoevsky. In: Bursov, B.I. (ed.) *Istoriya russkoy literatury: v 10 t.* [History of Russian Literature: In 10 vols]. Vol. 9(2). Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 7–118.

13. Belkin, A.A. (ed.) (1956) *F.M. Dostoevskiy v russkoy kritike* [Dostoevsky in Russian Criticism]. Moscow: Goslitizdat.

14. Stepanov, N.L. (ed.) (1959) *Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo* [F.M. Dostoevsky's oeuvre]. Moscow: USSR AS.

15. Belkin, A. (1962) *O knige M.M. Bakhtina "Problemy tvorchestva Dostoevskogo"* – *retsenziya* [On Mikhail Bakhtin's book "Problems of Dostoevsky's Oeuvre." A Review]. Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 913. List 45. Files 25.
16. Vasilevskaya, I. & Myasnikov, A. (1964) *Razberemysya po sushchestvu* [Let's get to the bottom of this]. *Literaturnaya gazeta*. 8th August.
17. Shklovskiy, V.B. (1957) *Za i protiv: Zametki o Dostoevskom* [Pro and Contra: Notes on Dostoevsky]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
18. The State Literary Museum. Museum-apartment of F.M. Dostoevsky. (1959, 1963, 1971) *Pis'mo i priglaseniya k Bakhtinu M.M.* [Letter and invitations to Mikhail Bakhtin]. Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 913. List 11. Files 41.
19. Timofeev, L.I. (1943, 1946, 1954–1955, 1964) *Pis'ma k Bakhtinu M.M.* [Letters to Bakhtin]. Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 913. List 13. Files 41.
20. Kozhinov, V. (1994) "Ya prosto blagodaryu svoyu sud'bu..." (Vadim Kozhinov vspominaet o tom, kak udalos' pereizdat' "Problemy tvorchestva Dostoevskogo") ["I just thank my fate..." (Vadim Kozhinov recalls how he managed to republish "Problems of Dostoevsky's Oeuvre")]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1. pp. 104–110.
21. Makhlin, V.L. (ed.) (1997) *Bakhtinskiy sbornik* [The Bakhtin Collection]. Vol. 3. Moscow: Labirint.
22. Bocharov, S.G. (2020) *Pamyati Slavy Svitel'skogo* [In memory of Slava Svitelsky]. In: Mitrakova, N.M. (ed.) *V poiskakh mudrosti i dobra. Pamyati V.A. Svitel'skogo* [In search of wisdom and goodness. In memory of V.A. Svitelsky]. Voronezh: Kvarta. pp. 17–19.
23. Bocharov, S.G. (1962–1963) *Pis'ma i telegrammy k Bakhtinu M.M. 1962 iyulya 20–1963 noyabrya 17* [Letters and telegrams to Mikhail Bakhtin. 20th July 1962 – 17th November 1963]. Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 913. List 6. Files 38.
24. Bocharov, S.G. (1993) *Ob odnom razgove i vokrug nego* [About one conversation and around it]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2. pp. 70–89.
25. Bakhtin, M.M. (1963) *Pis'ma k Bocharovu S.G.* [Letters to S.G. Bocharov]. Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 913. List 5. Files 8.
26. The Russian State Archive of Literature and Art. (1971–1972) *Avtorskoe delo Bakhtina M.M. "Problemy poetiki Dostoevskogo." Issledovanie. 10 iyunya 1971 g. – 6 sentyabrya 1972 g.* [The author's case of Bakhtin M.M. "Problems of Dostoevsky's Poetics." Research]. Fund 613. List 10. Files 6005.
27. Popova, I.L. (2009) *Kniga M.M. Bakhtina o Fransua Rable i ee znachenie dlya teorii literatury* [Mikhail Bakhtin's book about Francois Rabelais and its significance for the theory of literature]. Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences.

Информация об авторах:

Дубровская С.А. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Москва, Россия). E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

Маслова Е.Г. – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Москва, Россия). E-mail: maslova.eg@rea.ru

Осовский О.Е. – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевьева (Саранск, Россия). E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.A. Dubrovskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, N.P. Ogarev National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

E.G. Maslova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: maslova.eg@rea.ru

O.E. Osovsky, Dr. Sci. (Philology), professor, chief research fellow, M.E. Evseyev Mordovia State Pedagogical University (Saransk, Russian Federation). E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.06.2023;
одобрена после рецензирования 07.11.2023; принята к публикации 27.06.2024*

*The article was submitted 26.06.2023;
approved after reviewing 07.11.2023; accepted for publication 27.06.2024*